

УДК 821.161.

ХРОНИКА «НОУЛ И РОД СЭКВИЛЛ» ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ: ПОИСК САМОИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА¹

Беспалова Е. К., Языкова Т. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Республика Крым, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru; E-mail: abata@rambler.ru*

Исследуется одно из ранних произведений английской писательницы Виты Сэквилл-Уэст с точки зрения формирования ее уникального идиостиля, сочетающего в себе автобиографические, историографические и художественные черты. Вводятся в научный оборот материалы не переведенного на русский язык документально-исторического произведения жанра семейной хроники «Ноул и род Сэквилл» («Knole and the Sackvilles», 1922). В работе использован комплексный подход, включающий биографический и психологический методы, а также стилистический анализ текста. Авторы приходят к выводу о том, что В. Сэквилл-Уэст провела настоящую научно-исследовательскую и архивно-разыскную работу, в которой была тщательно воссоздана семейная хроника ее рода и история поместья, где жили ее многочисленные предки. Это документально-историческое произведение представляет собой образец смешанной жанровой природы, включая в себя черты семейной хроники, автобиографии и романизированной биографии исторических персонажей.

Ключевые слова: Вита Сэквилл-Уэст, Ноул-хаус, «английскость», документально-историческая проза, семейная хроника, творчество, авторская самоидентичность, идиостиль.

ВВЕДЕНИЕ

Потомственная аристократка Виктория Мэри Сэквилл-Уэст, леди Никольсон (1892–1962) получила известность как Вита Сэквилл-Уэст – самобытный поэт и писатель, биограф, оригинальный исследователь исторических событий Великобритании, а также страстный садовод и весьма успешный журналист. На рубеже XIX–XX веков ее популярность была очень широкой, чему в немалой степени способствовала ее скандальная репутация и свободный от моральных ограничений образ жизни. Перу В. Сэквилл-Уэст принадлежат несколько поэтических сборников, романы и повести, романизированные биографии известных исторических лиц, книги по садоводству, путевые заметки и дневниковые записи – в общей сложности более сорока произведений.

Актуальность статьи состоит, с одной стороны, во все возрастающем интересе современных исследователей к произведениям писателей так называемого «второго ряда», а с другой – в том, что наследие Виты Сэквилл-Уэст представляет собой интересный и малоизученный феномен женской прозы. Проблема идентичности (как гендерной, так и творческой) также является актуальной для различных дисциплин современной науки [1], а творчество В. Сэквилл-Уэст в отечественном литературоведении еще не получило всестороннего осмысления.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней вводятся в научный оборот материалы не переведенного на русский язык документально-исторического произведения жанра семейной хроники «Ноул и род Сэквилл» («Knole and the Sackvilles», 1922). Эта книга исследуется, с одной стороны, с точки зрения формирования

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

уникального авторского идиостиля, сочетающего в себе автобиографические, историографические и художественные черты, а с другой – рассматривается как один из способов поиска самоидентичности писательницы.

Как известно, занять женщине свое место в литературном мире, созданном по законам мужчин, всегда было непросто. И мир английской литературы не исключение. Помимо гендерного неравенства (в обществе считалось, что женщина не может создать достойное произведение искусства), существовало еще и неравенство классовое, которое усложняло путь литератору-женщине, независимо от социального положения: как бедным, так и очень богатым и родовитым женщинам мир искусства был заказан. Высокое происхождение даже, пожалуй, в большей степени ограничивало творческую свободу женщины, предназначенной для почетной и уважаемой обществом деятельности: ей надлежало посвящать себя благотворительности, блистать на светских приемах, заниматься семейными делами, а не литературой. Лишь немногие английские писательницы прошлых эпох смогли перебороть этот общественный стереотип и оставить заметный след в литературном процессе: в XIX веке это, в первую очередь, Джейн Остен, сестры Бронте, Джордж Элиот, на рубеже веков – Вирджиния Вулф, в связи с которой чаще всего и упоминается личность В. Сэквилл-Уэст как отечественными [2; 3], так и зарубежными литературоведами [4]. Таким образом, многогранное и оригинальное наследие писательницы до сих пор остается вне фокуса филологической науки, а ее произведения еще ждут своего исследователя.

Отметим, что конец XIX – начало XX века – период радикальных перемен в общественном мировоззрении Англии: то, что ранее считалось совершенно недопустимым, понемногу становилось все более приемлемым. В отношении женщин-писателей взгляды общества также стали меняться, чему не в последнюю очередь способствовало распространение феминистских идей, которых придерживалась и Вита Сэквилл-Уэст. Она была абсолютно уверена в своем творческом предназначении, о чем свидетельствует одна из записей в ее дневнике: «Я войду в английскую литературу. Так или иначе». И это обещание, данное самой себе, В. Сэквилл-Уэст удалось выполнить.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследуемом произведении В. Сэквилл-Уэст прослеживает историю фамильного поместья Ноул, где прошли ее детство и юность, а также воссоздает хронику жизни людей, в разные эпохи населявших это место. При написании этой книги автор тщательно изучила все архивные документы по ведению хозяйства, строительству и реорганизации поместья, а также познакомилась с подробностями истории своей семьи, владевшей Ноулом в течение многих веков до ее рождения. На страницах этого произведения читателю предлагается ближе познакомиться с наиболее видными хозяевами поместья, оставившими след как в английской истории, так и в истории самого дома. Некоторые же из предков настолько впечатлили Виту Сэквилл-Уэст, что их жизнеописанию она отвела особое место: они показываются как личности, наделенные особыми, ценностными для автора чертами и способностями.

Две первые главы повествования «The House» и «The Garden and Park» посвящены подробному описанию родового гнезда. Автор показывает дом в разное время суток и с разных ракурсов: на закате, в лунном свете, в ночном осеннем тумане. Читатель слышит рев оленей под его стенами, любит полями нарциссов, окружающих замок. Эти проникновенные отрывки свидетельствуют о том, с какой любовью Вита Сэквилл-Уэст

относилось к месту, которое было центром ее маленькой Вселенной, колыбелью ее как человека и писателя. Именно Ноул разбудил творческое воображение девочки, сформировал ее вкус и писательский стиль. Не менее подробно и столь же поэтично автор описывает интерьеры дома, а отдельное внимание уделяется прилегающим парку и саду. В. Сэквилл-Уэст проводит интересное сравнение дома со старой леди, прожившей весёлую жизнь: эта леди всегда была красива, у нее были многочисленные любовники, она повидала несколько поколений с их печалью и радостями, научилась секрету терпения и юмора [5, с. 2]. Особую гордость автор испытывает от осознания того, что Ноул - настоящий английский дом, типичное английское поместье и воплощение английских традиций: «It is, above all, an English house. It has the tone of England <...>» [5, с. 2]. Всего слова «England» и «English» встречаются в этом отрывке четыре раза, что явно свидетельствует о том, насколько важным для автора было подчеркнуть принадлежность ее фамильного поместья к исконной английской традиции домостроения.

Поместье Ноул-хаус представляет собой редкий образец ренессансной архитектуры: дом-календарь. Размеры и план поместья действительно впечатляют: 7 внутренних дворов, 12 входов, 52 лестницы и 365 комнат - по числу дней в неделе, месяцев, недель и дней в году соответственно [5, с. 4]. Дом включает в себя 4 акра запутанных ходов, лестниц, залов, переходов и комнат. Разумеется, такое огромное поместье строилось не сразу, а росло постепенно, начиная со средних веков. Его многочисленные хозяева строили, достраивали и перестраивали части дома, меняли архитектурные стили и встраивали витражи, возводили бойницы. Поместье даже побывало в собственности знаменитого короля Генриха VIII, оставалось частью собственности короны и после его смерти, переходя от одного фаворита к другому, пока в 1586 году не было передано королевой Елизаветой I ее кузену Томасу Сэквиллу. С тех пор Ноул принадлежал представителям этой фамилии.

Вита Сэквилл-Уэст повествует о том, что главное здание поместья возводилось приблизительно с конца XV до начала XVII века. Несмотря на масштабы дома, жилые комнаты были небольшими, что диктовалось практическими причинами, связанными с отоплением: каминные топки были далеко не во всех комнатах; для обогрева использовались переносные жаровни и металлические грелки с углями для согревания постели.

По-настоящему масштабными и полными официоза были многочисленные галереи и парадные залы, украшенные гобеленами, скульптурами, портретами предков и их выдающихся современников. И хотя в доме не обитали привидения, человеку, бродящему ночью по галереям Ноула, требовалось присутствие духа, ибо на него пристально смотрели десятки пар глаз с многочисленных портретов [5, с. 14-15]. В. Сэквилл-Уэст с гордостью пишет, что портреты представителей рода Сэквилл могут считаться яркими вехами английской истории: «From generation to generation they might stand, fully equipped, as portraits from English history» [5, с. 28]. Более того, представители семьи Сэквилл разных эпох являются узнаваемыми типами людей этих эпох как по внешности, так и по характеру. Даже сейчас это поместье производит сильное впечатление и является весьма популярной туристической достопримечательностью: среди старинных дворянских усадеб Великобритании именно Ноул известен высокой степенью сохранности интерьеров XVII в., а его стены по сей день украшают оригинальные портреты многочисленных владельцев, принадлежащие кисти известнейших в то время и не забытых поныне художников: в Ноул-хаусе бережно хранятся работы Ван Дейка, Лели,

Кнеллера, Рейнольдса и Гейнсборо, олицетворяя собой основные этапы английской истории.

По ходу повествования автор не раз с гордостью подчеркивает, что поместье Ноул является неотъемлемой частью Англии, впитало в себя традиции этой страны, не выглядит чем-то искусственным и инородным, а, наоборот, гармонично вписывается в окружающий «английский пейзаж» [5, с. 18]. Окружает дом сад, наполовину возделанный по всем правилам садоводства, наполовину заросший дикими растениями и деревьями. Это типичный английский сад, ничуть не уступающий дому в так называемой «английскости». Не только поместье, но и парк вокруг него являлся собственностью семьи Сэквилл в течение многих веков. Ландшафту, окружающему дом, посвящена вторая глава хроники – «The Garden and Park». За долгое время деревья парка стали настоящими исполинами. Парк при поместье – это и долины, и холмы и даже лес, в котором водилось множество оленей и кроликов: «Surrounding the house and gardens lies the park, with its valleys, hills, and woods, and its short brown turf closely bitten by deer and rabbits» [5, с. 24]. Поскольку, помимо писательства, Вита Сэквилл-Уэст профессионально занималась садоводством, успешно вела персональную еженедельную колонку в «The Observer» под названием «В твоём саду», а также написала несколько книг по этому вопросу, можно предположить с большой долей вероятности, что и эта грань ее таланта берет начало на просторах угодий, прилегающих к Ноул-хаусу.

Интересно, что каждый раз говоря о поместье, автор, в первую очередь, говорит о себе самой, делится своими личными, сокровенными детскими и юношескими воспоминаниями, придавая таким образом повествованию о доме черты автобиографического романа. Так, например, она описывает читателю почти сказочную сцену, свидетелем которой неоднократно была. Это кажется практически нереальным, но автор не раз обнаруживала оленя, стоящего в банкетном зале летом, когда огромные дубовые двери в этот зал бывали распахнуты настежь [5, с. 4]. В поместье также была часовня, секретное убежище, где маленькая, часто проказничавшая Вита предпочитала прятаться от гнева домашних [5, с. 17].

Постепенно от описания владений автор переходит к жизнеописанию наиболее интересных и исторически значимых хозяев Ноула. Почти все они были представителями власти и обладали знатными титулами. В то же время становится очевидным, что не их должности или положение в первую очередь интересуют автора. Наибольшую симпатию она испытывает лишь к тем своим предкам, которые так или иначе имели отношение к искусству и миру прекрасного. В подобном подходе, как нам кажется, скрыт изначальный мотив и стимул для написания данной книги: Вита Сэквилл-Уэст пытается определить, кто из ее многочисленных предков мог передать ей творческий дар и желание создавать прекрасное, хочет понять, кто из них стал ее предшественником в мире литературы и искусства, и, стараясь разобраться в причудливой генеалогии рода Сэквиллов, ищет самое себя.

Последующие семь глав книги рассказывают о жизни представителей семьи Сэквилл в различные периоды английской истории, при этом, судя по названиям глав, именно поместье остается главным действующим лицом повествования и объектом внимания В. Сэквилл-Уэст: «Ноул во времена правления королевы Елизаветы», «Ноул во времена правления Якова I», «Ноул во времена правления Карла I», «Ноул во времена правления Карла II», «Ноул в начале XVIII века», «Ноул в конце XVIII века», «Ноул в XIX веке».

Эта историческая хроника, собранная автором по крупницам, представляет собой весьма интересный портрет семьи на фоне исторических событий в Великобритании.

Согласно хронике, основателем династии считается Гербранд де Саквилль, который вместе с Вильгельмом Завоевателем прибыл в Англию. После него последовал длинный ряд сэров Джорданов, Эндрю, Эдвардов, Ричардов; никто из них себя особенно не проявил вплоть до сэра Ричарда Сэквилла, современника Генриха VIII и Елизаветы I, – человека весьма достойного, покровителя науки и искусств, благотворителя, мецената, государственного деятеля и верноподданного короля. Более того, именно он сумел накопить немалое состояние, преумноженное его сыном и промотанное потом почти всеми потомками. Сэр Ричард умер в 1566 году, и ему наследовал его сын Томас, которому на тот момент было тридцать лет.

Это первый предок автора, на биографии которого она останавливается подробно. С юности увлекаясь написанием стихов, и, по свидетельству современников, будучи прирожденным поэтом, сэр Томас забросил это занятие, когда начал выстраивать политическую карьеру. Вита Сэквилл-Уэст делает вывод, что сэр Томас является прекрасным примером того, что привилегия рождения в благородном семействе – это неудача для поэта. Хотя эта же привилегия открывает двери в мир политики и высоких должностей: в течение своей долгой жизни сэр Томас был членом Парламента от двух округов, унаследовал титул, поместья и почести, был приближенным к королеве, его посвятили в рыцари, королева подарила ему Ноул и примыкавшие к нему земли, отправила во Францию и Голландию в качестве специального посла Ее Величества, сделала его рыцарем Ордена Подвязки, канцлером герцогства Оксфордского, а затем – государственным казначеем в 1599 году. Он присутствовал на всех государственных советах и честно исполнял все свои обязанности. Так юноша-поэт уступил место зрелому отцу семейства и государственному мужу. Безусловно, для автора книги имело наибольшее значение наличие у этого предка именно поэтического таланта, поэтому страницы о нем написаны с нескрываемой симпатией.

Что касается самого поместья Ноул в этот период, то сэр Томас перестроил его, а также внёс значительные изменения на окружающей территории, проявив при этом весьма изысканный вкус: «To account of these sums, it is known that he built the Great Staircase, transformed the Great Hall to its present state, and put in the plaster-work ceilings and marble chimney-pieces. He also put up the very lovely lead water-spouts in the courtyards» [5, с. 39]. Несмотря на то, что сэру Томасу удалось достигнуть многого в жизни, его потомок Вита Сэквилл-Уэст была убеждена в том, что он напрасно не реализовал дарованный ему талант. Для нее он в первую очередь был подающим надежды поэтом, а значит творческие способности она вполне могла унаследовать от него. Более того, по мнению многих, он был в определённой степени новатором в английской поэзии (эту точку зрения разделяет и исследователь литературы профессор Джордж Эдвард Бейтман Сейнтсбери, один из наиболее влиятельных литературных критиков начала XX века, современник В. Сэквилл-Уэст): «Совершенно очевидно, что у Томаса Сэквилла был, во-первых, поэтический взгляд, позволяющий видеть объекты поэтического изображения как внутри, так и снаружи; во-вторых, поэтический словарь, в который можно было бы воплотить результаты своего видения; и, в-третьих, поэтический слух, с помощью которого он приводит свой язык в музыкальную гармонию, необходимую для поэзии» [цит. по: 5, с. 47. Перевод наш. – *Е.Б., Т.Я.*]. Повторим, что в хронике Вита Сэквилл-Уэст пространно описывает жизнь лишь наиболее ярких своих предков, оценивая их жизнь

откровенно пристрастно и субъективно, и в данном случае автора интересует, прежде всего, творчески одаренный, но закопавший свой поэтический талант человек, которому она, несмотря на все его иные заслуги, явно сочувствует.

В следующей главе «Ноул во времена правления Якова I» описывается жизнь внука сэра Томаса – Ричарда Сэквилла, третьего графа Дорсетского, который был женат на леди Энн Клиффорд. Показательно, что в этой главе не наследник, а именно его жена попадают в фокус интереса В. Сэквилл-Уэст. Леди Энн вела дневник, в который заносила записи обо всех событиях в Ноуле. Этот дневник сослужил Вите Сэквилл-Уэст хорошую службу как источник информации из первых рук о жизни предков в XVII веке. Леди Энн унаследовала от отца фамильные земли, на которые претендовали многие. Её муж, которого Вита Сэквилл-Уэст описывает как экстравагантного модника, заядлого игрока и транжиру, уговаривал леди Энн отказаться от земель и замков за определённую компенсацию. Он прибегал не только к уговорам, но и к угрозам, давлению с помощью родственников и даже самого короля и архиепископа, но всё было напрасно: леди Энн была непреклонна [5, с. 56]. Огромное наследство, которое тщательно собирал его дед, государственный казначей сэра Томас, муж леди Энн почти промотал, особняки заложил или продал для того, чтобы покрыть расходы на развлечения. Однако его жена была довольно снисходительна к нему, преувеличивая в дневнике его достоинства и оправдывая недостатки. Но все же проницательный исследователь ее дневниковых записей Вита Сэквилл-Уэст делает неутешительный вывод по поводу Ричарда Сэквилла, отмечая, что личность самой леди Энн настолько яркая, а её характер настолько сильный и целостный, что это затмевает персону её мужа, как бы леди Энн ни хотела оправдать его поведение. Можно вновь предположить, что в лице леди Энн Вита Сэквилл-Уэст увидела одну из своих предшественниц – пишущую женщину, живущую интересной, но непростой жизнью. И пусть леди Энн всего лишь вела дневник, именно эта черта, по всей вероятности, и вызвала такой сильный исследовательский интерес к ней со стороны автора, которая также оставила после себя дневниковые записи.

У леди Энн и сэра Ричарда было пятеро детей: трое мальчиков, которые умерли в младенчестве, и две девочки – Маргарет и Изабель. В дневнике упоминается лишь Маргарет, потому что Изабель родилась после того, как леди Энн временно перестала вести дневник. Из других исторических документов (писем, счетов и описаний) известно, что Ричард Сэквилл умер в возрасте тридцати пяти лет, леди Энн пережила его на пятьдесят два года, вторично вышла замуж за лорда Пемброка, которого тоже пережила, и в конце жизни превратилась в единоличную хозяйку всех имений и земель, за которые сражалась всю жизнь. Леди Энн была настоящей хозяйкой поместья Ноул, заботливой и щедрой: вникала во все тонкости ведения хозяйства, тщательно подсчитывала доходы и расходы, была в курсе подробностей жизни слуг и обеспечивала их приданым. Из всех её семи детей (пять от первого брака и двое от второго) до взрослого возраста дожили только две дочери от брака с Ричардом Сэквилом, которые произвели на свет многочисленных внуков леди Энн. Все визиты внуков доставляли леди Энн огромное удовольствие. Она дожила до восьмидесяти шести лет и не боялась смерти, потому что прожила жизнь честно и в соответствии со своими принципами.

Вита Сэквилл-Уэст явно восхищается личностью леди Энн, и поэтому большая часть четвертой главы книги посвящена ей. Более того, можно утверждать, что портрет леди Энн выписан с особой симпатией именно потому, что она, по мнению автора книги, обладала не только обаятельными личностными чертами, но и была творчески

одаренным человеком. В. Сэквилл-Уэст была явно благодарна своей далекой прапрапрабабушке за жизненный пример и за творческое сотрудничество, ведь, как уже было сказано, именно дневник леди Энн стал основой для написания четвертой главы хроники «Ноул и род Сэквилл». Через год после ее выхода, в 1923 году, Вита Сэквилл-Уэст способствует публикации дневника леди Энн, выступив в качестве автора предисловия и комментариев к нему. И еще одно немаловажное обстоятельство, которое, на наш взгляд, вызвало особенную симпатию автора хроники к леди Энн: разделяя феминистские идеи своего времени, В. Сэквилл-Уэст не могла не очароваться независимостью суждений и твердостью воли этой женщины, жившей во времена, когда слабый пол всячески ограничивался в правах и свободах.

В пятой главе даётся жизнеописание Эдварда Сэквилла, четвертого графа Дорсетского, брата Ричарда Сэквилла. К Эдварду Сэквиллу перешло поместье и угодья после смерти его брата, потому что недвижимость в Англии наследовалась по мужской линии, а у Ричарда Сэквилла не было доживших до зрелого возраста сыновей. Именно это обстоятельство не позволило в свое время самой В. Сэквилл-Уэст стать владелицей обожаемого Ноула, что, очевидно, стало для нее одной из причин взяться за написание данной книги: ее желание обладать им, связать свое имя с именем поместья, воплотилось в ностальгически и любовно воссозданной истории этого места и его обитателей. Предки В. Сэквилл-Уэст «оживают» под ее пером; она отдает дань памяти людям, чей вкус, возможности и старания подарили ее любимому поместью тот облик, который она запомнила на всю жизнь и который попадет на страницы как поэтических, так и прозаических ее произведений.

Итак, Эдвард Сэквилл в возрасте тридцати четырёх лет унаследовал от брата Ричарда титул и поместье, а до этого успел посесть в палате Общин, побыть послом у Людовика XIII, попутешествовать по Франции и Италии, сменить несколько официальных должностей при короле Карле I. В. Сэквилл-Уэст даёт ему положительную характеристику, основываясь на сохранившихся бумагах: записях речей и других официальных документах [5, с. 90]. Особенно ее впечатлила преданность Э. Сэквилла королю Карлу I. После победы Кромвеля в войне и казни Карла I Э. Сэквилл поклялся не переступить порог собственного дома и сдержал своё обещание. Он пережил своего суверена на три года. Жил он не бедствуя, хотя его экстравагантный брат-предшественник делал всё возможное, чтобы промотать как можно больше денег. Эдвард, хотя и постоянно жаловался на нехватку средств, тоже жил на широкую ногу, получая значительный доход от своих земель и недвижимости. При Карле I он даже приобрёл значительные земельные угодья в Северной Америке (то, что сейчас включает Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию и многочисленные острова). Его жизнь, полная отваги и приключений, повлияла на В. Сэквилл-Уэст вдохновляюще: автор признаётся, что для неё Э. Сэквилл был воплощением рыцарской романтики. Еще в возрасте тринадцати лет она написала огромный приключенческий роман о нём и его сыновьях в духе «Сирано» и «Трёх мушкетеров», в котором с любовью выписала поместье Ноул. Всё, что вдохновило её, автор перечисляет в одном большом предложении: прекрасный портрет в семейной галерее пера Ван Дейка, дуэль Э. Сэквилла с лордом Брюсом, его преданность Карлу I, рейд солдат Кромвеля по Ноулу, убийство его младшего сына «круглоголовыми» и многое-многое другое [5, с. 82].

Далее автор переходит к наследникам имения эпохи Республики и Реставрации. Преемником Эдварда Сэквилла был его старший сын Ричард, который путём женитьбы

на богатой наследнице леди Фрэнсис Крэнфилд (её отец был казначеем при Якове I) приобрёл поместье Копт Холл в Эссексе со всем его роскошным убранством. Вита Сэквилл-Уэст делает акцент на том, что многие образцы изысканной мебели, гобелены, портреты Крэнфилдов, а также портреты исторических личностей и другие ценные вещи, которые и в эпоху писательницы украшали Ноул, были привезены из Копт Холла.

У Ричарда Сэквилла и леди Фрэнсис Крэнфилд было семь сыновей и шесть дочерей, многие из которых умерли в раннем детстве. Старший сын - Чарльз, шестой граф Дорсет - наследовал отцу. Вита Сэквилл-Уэст отмечает, что Чарльз Сэквилл не был образцом для подражания и вёл далеко не примерную жизнь [5, с. 115], однако эпоха Карла II очень подходила ему: это было время, когда сам король предавался многочисленным развлечениям после периода пуританства, который переживала Англия во время правления Кромвеля, а подданные короля брали с него пример. Автор называет Чарльза Графом Реставрации, потому что он не только жил в период правления Карла II, но и следовал моде того времени на весёлую, полную приключений жизнь, имел множество любовниц, разбирался в искусстве, а также всячески украшал родовое гнездо [5, с. 115]. Известно, что Чарльз Сэквилл отверг предложение короля о работе в его канцелярии, дабы быть свободным от всего и полнее наслаждаться прелестями жизни. Тем не менее, он добровольцем пошёл на войну с голландцами в 1665 г., и там перед одним морским сражением написал ставшую известной песню «To All You Ladies Now At Land». Вита Сэквилл-Уэст оговаривается: хотя авторство этой песни оспаривалось некоторыми историками, сама она верит, что песня написана именно её предком.

Чарльз Сэквилл не только сам сочинял стихи, но и покровительствовал представителям различных видов искусств. При Карле II театр вышел на новый виток развития: появились декорации, костюмы стали более продуманными, женские роли стали исполнять сами женщины. Прекрасными актрисами начали интересоваться представители знати, и Чарльз Сэквилл не стал исключением. Его имя тесно связано с именем Нелл Гвин, которая сначала была продавщицей апельсинов в театре, потом – актрисой, а потом её из театра забрал Чарльз Сэквилл, сделав своей любовницей. Некоторое время они вместе вели хозяйство, жили как муж и жена, но потом Нелл опять вернулась в театр, где её заметил сам король Карл II, который посылал за ней время от времени. До Карла II появление короля в театре было неслыханным делом, представления обычно организовывались во дворце. Карл II любил приезжать в театр, покровительствовал театральному искусству и даже следовал моде на актрис-любовниц, принятой среди вельмож. В. Сэквилл-Уэст пишет о том, что в Ноуле даже есть портрет Нелл Гвин, который, по всей видимости, приобрёл Чарльз Сэквилл в молодости.

Примечательно, что Чарльз Сэквилл был активен во внутривластных делах, занимая официальные должности и принимая участие в интригах и похищениях: когда после смерти Карла II на престол взошёл его младший брат католик Яков II, Чарльз Сэквилл сделал всё возможное для того, чтобы его свергнуть. Как пишет Вита Сэквилл-Уэст, он активно способствовал восшествию Вильгельма III на престол, участвовал в побеге принцессы Анны, которая впоследствии стала королевой Анной. Лорд Дорсет, он же Чарльз Сэквилл, сохранил связи с семьёй покойного короля Карла II: он даже предлагал вдовствующей королеве Екатерине Браганской безвозмездно жить в Ноуле. Воспользовалась ли королева этим щедрым предложением, неизвестно. Чарльзу Сэквиллу удалось завоевать расположение нового короля Вильгельма III и сохранить свои позиции вплоть до выхода на пенсию в 1697 году [5, с. 139-140].

У лорда Чарльза было 5 незаконнорождённых детей: 4 девочки и 1 мальчик, которые при его жизни часто просили у него помощи и денег, и отец им не отказывал, как не отказывал в помощи и представителям искусства: поэту и переводчику Джону Драйдену, драматургу Чарльзу Монтегю, поэту и дипломату Мэтью Прайору, придворному поэту Томасу Шедвеллу и другим.

В седьмой главе «Ноул в начале XVIII века» В. Сэквилл-Уэст рассказывает о седьмом графе и первом герцоге Дорсета Лайонеле Сэквилле. Он был типичным представителем провинциального дворянства, наслаждался тихой жизнью в Ноуле [5, с. 153]. Л. Сэквилл был заботливым хозяином Ноула, улучшая и реставрируя его. У него было несколько официальных должностей с установленной зарплатой: губернатора портов и лейтенанта-смотрителя Дуврского замка. Его положение в обществе, как и у его предков, оставалось очень значительным: когда в 1714 г. умерла королева Анна, именно лорду Дорсету было поручено объявить об этом следующему королю, Георгу I Ганноверскому, ближайшему наследнику-протестанту Стюартов согласно «Акту о престолонаследии» 1701 г. Лорд Дорсет был в милости как у Георга I, так и у его сына Георга II [5, с. 161]. Лайонел Сэквилл покровительствовал актрисе Пег Воффингтон, но была ли она его любовницей подобно тому, как Нелл Гвин была любовницей его отца, достоверно не известно. В. Сэквилл-Уэст упоминает о том, что портреты и Пег Воффингтон, и Нелл Гвин, и Джаннетты Баччелли (итальянской любовницы уже третьего герцога Дорсета, речь о котором пойдёт далее) находятся в Ноуле.

У Лайонела Сэквилла было три сына, старший из которых - Чарльз Сэквилл - унаследовал имение после смерти отца и стал вторым герцогом Дорсета. Вита Сэквилл-Уэст не уделяет этому герцогу много внимания, ограничиваясь нелестными фразами современников в его адрес. Однако он также не был чужд миру искусства: ставил оперы и тратил огромные суммы на защиту певцов в судебных исках [5, с. 173].

В восьмой главе «Ноул в конце XVIII века» речь идёт о Джоне Фредерике Сэквилле, третьем герцоге Дорсета. Жизнь он вёл приближённую к богемной, был знатен, богат и очарователен, хотя сам никакими особенными талантами не обладал [5, с. 177]. Он стал герцогом в двадцать четыре года, а некоторое время спустя был назначен послом в Париж, и это было время, когда герцог активно поддерживал и спонсировал Парижский балет, был чрезвычайно популярен и был в милости у самой королевы Марии Антуанетты. В своих многочисленных письмах из Франции он пишет о драгоценностях, развлечениях, об одобрении правительством эксперимента братьев Монгольфье с воздушным шаром, но в них и намёка нет на приближающуюся революцию и взятие Бастилии. Вита Сэквилл-Уэст пишет с сожалением о беспечности предка, но в то же время признаёт, что, даже если бы герцог и смог предвидеть страшные события, вряд ли это изменило бы ход истории. К тому же у герцога в Париже были другие заботы: он совсем потерял голову от красоты и грации итальянской танцовщицы Джаннетты Баччелли: «He gave her his Garter to wear as a hair-ribbon, brought her home to England with him, sent her to a ball in Sevenoaks wearing the family jewels - which provoked a great scandal in the county - and gave her one of the towers at Knole, which to this day remains, through the mispronunciation of the English servants, "Shelley's Tower"» [5, с. 188]. Вита Сэквилл-Уэст подчёркивает, что герцог исполнял все прихоти Баччелли: заказывал не только её портреты у Рейнолдса и Гейнсборо, но и портреты её слуг, оплачивал извятие обнажённой Баччелли, которое сначала стояло в гостиной, а потом было отправлено на чердак после расставания с танцовщицей.

Через год после этого герцог женился на богатой наследнице Арабелле Диане Коуп, женщине строгих нравов, бережливой, сдержанной и высокомерной, полной противоположности Джаннетты Баччелли [5, с. 193]. Герцогиня установила свои железные порядки в Ноуле, подчинила мужа, растила троих детей в строгости. Она никогда не выходила из себя, в отличие от мужа, который ссорился с друзьями, становился раздражительным и подверженным унынию. В состоянии, похожем на депрессию, герцог провёл последние годы, с тоской вспоминая лихие годы молодости, когда он кутил, постоянно заводил романы с красавицами и тратил огромные суммы на балы, приёмы и поддержку искусства [5, с. 200].

Особенный интерес Виты Сэквилл-Уэст вызывает портрет трёх детей Сэквилла, написанный Джоном Хоппнером в 1796 году. Историю создания этого портрета рассказал Вите Сэквилл-Уэст её дед, Лайонел Сэквилл-Уэст. На портрете изображены трое детей: девочка, мальчик и младшая девочка. Босая малышка расстроено смотрит на туфельки старшей сестры, а брат, обняв, утешает её. Эти позы не были придуманы: Хоппнер случайно увидел это происшествие и запечатлел его. Поэтому от картины веет свежестью, искренностью и детским простодушием. Младшая героиня картины – Елизавета, будущая мать дедушки Виты Сэквилл-Уэст, которая и рассказала сыну историю создания портрета.

Последнюю главу «Ноул в XIX веке» автор начинает с жизнеописания отчима следующего наследника Ноула. Им был лорд Уитворт, замуж за которого вышла леди Арабелла Диана после кончины мужа, Джона Фредерика Сэквилла, третьего герцога Дорсета, который умер в возрасте пятидесяти четырёх лет. Его сыну, Джорджу Джону Фредерику Сэквиллу, было на тот момент всего пять. Лорд Уитворт был послом Великобритании при дворах Екатерины II и Павла I в России. И хотя он не был кровно связан с родом Сэквиллов, в нём была черта, роднившая его с ними, – любвеобильность. Во времена пребывания в России лорд Уитворт очаровал некую графиню Гербецову настолько, что она предоставила своё состояние в распоряжение лорда, за что лорд Уитворт обещал на ней жениться после её развода с мужем. Но развод в те времена был делом длительным, и лорда уже отозвали в Англию к тому моменту, как развод был получен графиней. Как только бумаги о разводе были на руках у графини, она отправилась вслед за возлюбленным. Однако в Лейпциге она узнала о помолвке лорда Уитворта и герцогини Дорсетской, что заставило её поторопиться. Она незамедлительно отбыла в Англию, но опоздала: брак был уже оформлен. Русская графиня не успокоилась, пока её протесты и финансовые претензии к лорду Уитворту не были удовлетворены герцогиней Дорсетской, которая неохотно выплатила графине сумму в десять тысяч фунтов стерлингов. Что касается лорда Уитворта, то он впоследствии стал послом во Французской республике, лордом-лейтенантом Ирландии и герцогом Дорсета благодаря женитьбе на богатой и влиятельной вдове.

В это время подрастал наследник Ноула Джордж Джон Фредерик Сэквилл. Вита Сэквилл-Уэст предполагает, что Джорджу и его сёстрам было одиноко в Ноуле с такой строгой матерью и равнодушным к ним отчимом. Джордж учился вместе с лордом Байроном, который вспоминал в письме знакомому после гибели Джорджа, что они дружили в школьные времена. Это один из немногих известных о молодом наследнике фактов, который не мог не заинтересовать Виту Сэквилл-Уэст [5, с. 205]. Жизнь молодого наследника оборвалась внезапно в возрасте двадцати одного года: трагедия произошла в Ирландии на охоте, когда лошадь молодого герцога не смогла удачно преодолеть

препятствие в виде стены, неудачно приземлилась со всадником и, перевернувшись, придавила его. Титул пятого герцога Дорсета после этого перешёл к двоюродному брату третьего герцога, но имение Ноул оставалось в собственности леди Арабеллы Дианы до конца её жизни благодаря завещанию её первого мужа. Герцогиня и лорд Уитворт реставрировали Ноул, придавали ему черты стиля начала XIX века.

После смерти леди Арабеллы Дианы в 1825 г. её имение перешло её двум дочерям, Мэри и Елизавете, в будущем – прабабушке Виты Сэквилл-Уэст. Она вышла замуж за Джона Уэста, лорда де ла Варр, а умерла в 1870 году, оставив имение Бакхёрст своим старшим сыновьям, а Ноул – младшим, одним из которых был дед Виты Сэквилл-Уэст.

Своего деда по материнской линии автор вспоминает с особой теплотой, хотя тот был странным и тихим стариком, который совершенно не разбирался в произведениях искусства Ноула и часто отгаживал посетителей негостеприимным приёмом [5, с. 220]. Он умер в возрасте восьмидесяти лет, но никогда не рассказывал внучке о личных перипетиях своей жизни, а рассказать было о чём: о романе и женитьбе на испанской танцовщице Пепите, о том, как её не приняло чопорное английское общество, и Пепита рано умерла, об удачной карьере дипломата в США, и о его блистательной дочери Виктории Жозефе, матери Виты. Вита Сэквилл-Уэст узнавала обо всём сама из многочисленных письменных свидетельств и устных рассказов других людей. Об этих событиях повествуется уже в другом произведении – биографической книге Виты Сэквилл-Уэст «Пепита», которое, по мнению некоторых исследователей, продолжает авторский поиск собственной творческой и личностной идентичности.

ВЫВОДЫ

Вита Сэквилл-Уэст провела научно-исследовательскую и архивно-разыскную работу, в которой была тщательно воссоздана семейная хроника ее рода, а также история поместья, где жили ее многочисленные предки. Это произведение представляет собой образец смешанной жанровой природы, включая в себя черты семейной хроники, автобиографии и романизированной биографии исторических персонажей.

Скрупулезность, обилие подробностей, которыми изобилует книга, выдают в ее авторе склонность к научному поиску, осмыслению и систематизированию исторического материала, а ироничный, живой и легкий слог свидетельствуют о несомненном художественном таланте. Сочетание указанных черт формируют уникальный идиостиль писательницы, а жанр исторической хроники перерастает в увлекательное повествование, местами напоминающее роман.

Эта книга представляет немалую ценность и как документальное исследование, и как череда исторических зарисовок, и как своеобразные мемуары очевидца. Все герои произведения выписаны с теплотой и пониманием, и все же особая симпатия автора хроники на стороне людей, творчески одаренных: пишущих стихи или ведущих дневники, покровительствующих деятелям искусства, а также тех, чье пребывание в Ноул-хаусе пошло на пользу поместью.

Побудительным мотивом для написания данного произведения стало, вероятнее всего, то, что по закону о наследовании Вита Сэквилл-Уэст не могла претендовать на владение поместьем, где она родилась и которое любила, но никто не мог запретить ей написать о нем книгу, навсегда соединив свое имя с именем Ноул-хауса.

Список литературы

1. Денисова И. В. Истоки гендерной идентичности личности в творчестве В. Вулф. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-gendernoy-identichnosti-lichnosti-v-tvorchestve-v-vulf>. – (Дата обращения: 15.08.2022)
2. Ливергант А. Я. Вирджиния Вулф: «моменты бытия». – Москва: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. – 448 с.
3. Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе: История. Взгляды. Программные эссе. – М: РГГУ, 2017. – 557 с.
4. Midorikawa E., Sweeney E. C. A Secret Sisterhood. The Hidden Friendships of Austen, Brontë, Eliot and Woolf – Aurum Press, 2018. – 319 p.
5. Sackville-West, V. Knole and the Sackvilles. – Tonbridge, Kent: Ernest Benn Limited, first published 1922, 5th impression 1984. – Режим доступа: https://archive.org/details/knolesackvilles00sack_0/page/n7/mode/2up. – (Дата обращения: 15.07.2022)

References

1. Denisova I. V. Istoki gendernoj identichnosti lichnosti v tvorchestve V. Vulf [The Origins of the Gender Identity of the Individual in the Work of V. Woolf]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-gendernoy-identichnosti-lichnosti-v-tvorchestve-v-vulf> (accessed: 15 August 2022).
2. Livergant A. Ja. Virdzhinija Vulf: «momenty bytija». [Virginia Woolf: "Moments of Being"]. Moskva Izdatel'stvo AST : Redakcija Eleny Shubinoj, 2018. 448 p. (Literaturnye biografii).
3. Rejngol'd N. I. Modernizm v anglijskoj literature: Istorija. Vzglyady. Programmnye jesse. [Modernism in English Literature: A History. Views. Software Essays].M: RGGU, 2017. 557 p.
4. Midorikawa E., Sweeney E. C. A Secret Sisterhood. The Hidden Friendships of Austen, Brontë, Eliot and Woolf. Aurum Press, 2018. 319 p.
5. Sackville-West, V. Knole and the Sackvilles. Tonbridge, Kent: Ernest Benn Limited, first published 1922, 5th impression 1984. Available from: https://archive.org/details/knolesackvilles00sack_0/page/n7/mode/2up (accessed: 15 July 2022).

THE CHRONICLE "KNOLE AND THE SACKVILLES"¹
BY VITA SACKVILLE-WEST:
A SEARCH FOR THE AUTHOR'S SELF-IDENTITY

Bespalova Ye. K., Yazykova T. V.

This article, for the first time in Russian literary criticism, examines one of the early works of the English writer Vita Sackville-West from the point of view of the formation of her unique idiostyle, which combines autobiographical, historiographical and artistic features. The scientific novelty of the work lies in the fact that it introduces into scientific circulation the materials of the documentary-historical work of the family chronicle genre “Knole and the Sackvilles” (1922), which has not been translated into Russian, and which is also considered as one of the ways of searching for the writer's self-identity. The work uses an integrated approach, including biographical and psychological methods, as well as stylistic analysis of the text. The authors come to the conclusion that Vita Sackville-West carried out real research and archival investigative work, in which the family chronicle of her family was carefully recreated, as well as the history of the estate in which her numerous ancestors lived during different eras. This documentary-historical work is an example of a mixed genre nature, including features of a family chronicle, autobiography and a novelized biography of historical characters.

Key words: Vita Sackville-West, Knole, an English house, «Englishness», documentary-historical prose, family chronicle, creativity, author's self-identity, idiostyle.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.